

УДК 94(38)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-44-60

О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемиические заметки

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, isurikov@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи писал ранее о предэллинизме в греческом мире IV в. до н. э. и в связи с этим излагал свое понимание эллинизма как такового. Высказанные тогда соображения вскоре получили в научной литературе отклик – в частности со стороны О.Л. Габелко и И.А. Ладынина. В данной статье автор отвечает оппонентам, развивая некоторые положения своей концепции. Эллинистическая цивилизация, если взять ее в сопоставлении с предшествующей ей полисной цивилизацией, охватившей периоды архаики и классики, по мнению автора, являет собой в ряде отношений регресс, который характеризуется оскудением творческого духа и утратой былых цивилизационных позиций. Уровень оригинальных культурных достижений полисной эпохи и эпохи эллинизма несоизмерим. Как показано в работе, эллинистическая цивилизация жила тем, что рефлексировала над культурным наследием более ранних времен: изучала его, подражала ему, спорила с ним. Те творения эллинизма, которые все же можно отнести к шедеврам, являются таковыми только в той мере, в какой они сохраняют в себе что-то от классических традиций. Если для греческой полисной цивилизации характерен интенсивный путь развития, то для эллинистической – экстенсивный.

Ключевые слова: Античная Греция, эллинизм, предэллинизм, цивилизация, Персия, полис, кризис

Для цитирования: Суриков И.Е. О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемиические заметки // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 44–60. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-44-60

On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

isurikov@mail.ru

Abstract. The author of the paper wrote earlier about pre-Hellenism in the Greek world of the 4th century BC and expounded his understanding of Hellenism. His ideas soon received a response from colleagues – in particular, from O.L. Gabelko and I.A. Ladynin. In this paper, the author responds to his opponents by developing some nuances of his concept. The Hellenistic civilization, taken in comparison with the *polis* civilization that preceded it (the archaic and classical periods), according to the author, was in a number of respects a regression. It was characterized by the impoverishment of the creative spirit and the loss of former civilizational positions. The original cultural achievements of the *polis* and the Hellenistic eras were incommensurable. As shown in the paper, the Hellenistic civilization lived by reflecting on the cultural heritage of earlier epoch: studying it, imitating it, arguing with it. Those creations of Hellenism that can still be attributed to masterpieces are such only to the extent that they retain something of the Classical traditions. If the Greek *polis* civilization is characterized by an intensive development, the Hellenistic civilization can be characterized by an extensive one.

Keywords: Classic Greece, Hellenism, pre-Hellenism, civilization, Persia, *polis*, crisis

For citation: Surikov, I.E. (2022), “On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 44–60, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-44-60

В свое время нам доводилось писать о предэллинизме в греческом мире IV в. до н. э. [Суриков 2014, с. 96–117; Суриков 2015, с. 19–68], и в связи с этим мы изложили свое понимание эллинизма как такового. Высказанные нами тогда соображения вскоре получили в литературе отклик – в частности со стороны О.Л. Габелко [Габелко 2018] и И.А. Ладынина [Ладынин 2018]. С большим интересом ознакомившись с их наблюдениями и доводами, мы убедились в том, что наши соответствующие тексты уже вызвали определенную дискуссию, в рамках которой нам теперь хотелось бы сказать еще несколько слов.

Мы продолжаем настаивать на том, что изучение эпохи эллинизма в отечественной историографии развивается очень бурными темпами, и ни один другой период древнегреческой истории ныне не привлекает в нашей стране интерес столь же большого количества специалистов. О.Л. Габелко считает, что мы здесь несколько преувеличиваем, и пишет: «...Отдельные секции по эллинистической истории стали неотъемлемой частью крупных регулярных конференций, как “Сергеевские чтения” в МГУ и “Жебелевские чтения” в СПбГУ, лишь за последние несколько лет, а тематические конференции по эллинистической тематике в России остаются редким явлением до сих пор» [Габелко 2018, с. 189, примеч. 66]. Это так, но таковые секции и конференции все же есть, и, более того, теперь они уже и вправду воспринимаются, по справедливому выражению самого О.Л. Габелко, как нечто *неотъемлемое* от нашей науки. А сможет ли кто-нибудь припомнить (или представить) секцию – или тем более целую конференцию, – которая называлась бы, скажем, «Проблемы архаического периода греческой истории»? На подобную конференцию участников вряд ли набралось бы в необходимом количестве: антиковедов, изучающих этот период, у нас единицы (особенно если говорить о крупных). А вот исследованием истории эллинизма занимается сегодня целая когорта замечательных российских ученых (ниже следующий список, имеющий чисто иллюстративный характер, заведомо неполон, и мы просим прощения у тех коллег, чьих имен в нем не окажется): О.Ю. Климов, С.Ю. Сапрыкин, С.К. Сизов, сам О.Л. Габелко, И.А. Ладынин, Ю.Н. Кузьмин, С.В. Смирнов, М.М. Холод, А.С. Балахванцев и др. Между прочим, в данном перечне – руководители антиковедческих подразделений двух сильнейших университетов страны – Московского и Санкт-Петербургского. А самое главное в том, что число специалистов по эллинизму в России растет едва ли не с каждым годом, число же специалистов по другим эпохам, напротив, уменьшается; если и далее сохранится такая же динамика, через пару поколений их может не остаться совсем.

Итак, российские исследования эллинизма скорее процветают. Кроме того, их яркой, характерной чертой является, причем уже издавна (как минимум, со времен знаменитой полемики А.Б. Рановича и К.К. Зельина), интерес именно к *теоретическим* вопросам, связанным с эллинистической цивилизацией. Поэтому новую дискуссию мы считаем очень уместной, а то, что один из ее участников (автор этих строк) специализируется, строго говоря, не на эллинизме, может быть, не так уж и плохо: взгляд «со стороны» порой бывает полезен.

Коль скоро мы уже коснулись статьи О.Л. Габелко, продолжим разговор о некоторых из ее основных положений. В тех местах, где оппонент демонстрирует слабые места нашей позиции, нам остается только поблагодарить и повиниться – *mea culpa, rصاصi*, – указав в свое оправдание на то, что абсолютно безупречных работ, видимо, не бывает. Так, коллега в целом резонно отмечает: «...И.Е. ставит знак равенства между понятиями “предэллинизм” и “протоэллинизм” и даже специально подчеркивает некоторую надуманность в проведении подобного различия. Между тем, разница между ними, на мой взгляд, все же существует» [Габелко 2018, с. 184].

Действительно, автор этих строк заявлял, «что никаких таких отличий (между понятиями предэллинизма и протоэллинизма. – *И. С.*) он при всем усилии не видит. Соответственно, в дальнейшем изложении эти два термина будут употребляться как взаимозаменяемые синонимы» [Суриков 2014, с. 96, примеч. 51]. Приходится честно признаться, что мы были тогда не правы, не до конца продумали тезис. Между морфемами «пред-» и «прото-» существует смысловое различие, хотя мы его понимаем не вполне так, как О.Л. Габелко. Приставка «пред-», как ясно из нее самой, обозначает что-то, имевшее место *перед* появлением релевантного феномена (поэтому в другой книге [Суриков 2012, с. 68] мы называем «предполисной эпохой» время *до* появления полисов, эпоху эгейских цивилизаций II тыс. до н. э.). А корень «прото-» (от др.-греч. πρῶτος, «первый») маркирует самую первую, начальную стадию формирования феномена (так, протополис – полис *in statu nascendi*, и время его существования приходится на «Темные века», XI–IX вв. до н. э.).

Если смотреть на проблему с данной точки зрения, предэллинизм – это то, что имело место в Греции непосредственно *ранее* наступления эллинизма, то есть как раз на протяжении большей части IV в. до н. э. А протоэллинизмом в таком случае, очевидно, следует именовать время, когда совершались первые шаги в становлении эллинистических социумов.

Итак, свои ошибки мы признавать не стыдимся. Впрочем, в ряде случаев погрешности приписаны нам в статье О.Л. Габелко по недоразумению. Приведем пример: к Македонии «И.Е. относится довольно-таки двойственно: с одной стороны, считает ее “внешним, приводящим фактором” для греческого мира, с другой – говорит о невозможности трактовать греко-македонские отношения как вариант “греко-варварского синтеза”, что вроде бы включает ее в упомянутый мир? Надо бы как-то определиться...» [Габелко 2018, с. 181, примеч. 8].

На самом деле противоречие здесь мнимое. Попробуем разъяснить свою позицию. Македонию никак нельзя называть варварским

государством, поскольку этнически македоняне (теперь об этом можно говорить уже определенно в результате исследования эпиграфических, ономастических, лингвистических данных, см. [Суриков 2015, с. 274–275] со ссылками на литературу) являлись эллинами, а не каким-то отдельным народом, и говорили на одном из диалектов древнегреческого языка, принадлежавшем к северной диалектной группе. Но, с другой стороны, полисные начала в их государстве совершенно не получили развития. Таким образом, в этнолингвистическом плане Македония была частью греческого мира, а вот в цивилизационном плане не являлась частью полисного мира, и эту сложную диалектику необходимо ощущать. Данную черту македоняне разделяли с обитателями некоторых других регионов Северной и Западной Греции – акарнанами, эпиротами и т. п. (характерно название одной из статей об Эпире – «совершенно не-аристотелевская вселенная» [Davies 2000]). Потому мы и назвали Македонию «внешним, привходящим фактором»: таковой она была по отношению к греческим полисам, а только они нас и интересовали в рамках работы, на которую откликнулся О.Л. Габелко.

Подчеркнем, речь идет именно о *полисах*, а не об одном полисе, афинском. Наш оппонент неоднократно предьявляет нам ту претензию, что мы говорим только об Афинах¹. Во-первых, это не вполне так. Достаточно посмотреть на оглавление к книге, применительно к которой прозвучала эта претензия, чтобы убедиться: она как раз получилась «наименее афинской» в нашей тетралогии о политиках Античной Греции. Среди ее героев – только один афинянин, Демосфен, а рядом с ним – спартанец Агесилай (в главе о нем, кстати, довольно подробно говорится о спартанском варианте предэллинизма), фиванец Эпаминонд, да еще македонянин Александр.

Во-вторых, наиболее активное обращение к афинским данным, увы, неизбежно, поскольку в силу известных причин источник-

---

¹ Например: «...Практически все явления раннеэллинистической истории иллюстрируются примерами из истории Афин» [Габелко 2018, с. 187]. Здесь О.Л. Габелко видит идеализацию нами афинской демократии. «Судя по всему, утрата Афинами гегемонии в Греции и в особенности девальвация демократии воспринимаются автором как несомненные свидетельства упадка...» [Габелко 2018, с. 187]. Не можем не отметить, что Афины не могли утратить гегемонию в Греции, поскольку никогда ею не обладали. В последней трети V в. до н. э. они боролись за эту гегемонию, пытаясь вырвать ее из рук Спарты, но борьба, как известно, кончилась для них поражением. Гегемония осталась за Спартой, в 371 г. до н. э. она перешла к Фивам, а с 362 г. до н. э. гегемона не было.

вого материала именно по афинскому полису неизмеримо больше, чем по любому другому древнегреческому государству. Мы обречены на преимущественную апелляцию к этому материалу, и, кстати, на нем с достаточно большой степенью детальности можно проследить процессы, происходившие в Элладе в целом.

Процессами же этими были, во-первых, кризис полиса (в силу чего сам период часто называют поздней классикой) и, во-вторых, создание предпосылок для появления новых форм социально-политической организации (пресловутый предэллинизм). Настоятельно подчеркиваем, что это именно *два* параллельно протекавших процесса. Кажется, О.Л. Габелко не учел в полной мере этот важный аспект наших построений. Он пишет, что для описания соответствующих явлений лучше было бы использовать не термин «предэллинизм», а термин «поздняя классика» [Габелко 2018, с. 186], но одно другого не исключает. Тут не ситуация «или – или», а ситуация «и – и». Основные компоненты кризиса полиса – главного содержания поздней классики мы описали во вводной главе предыдущей книги цикла о политиках [Суриков 2011, с. 9–66], а потом дошел черед и до предэллинизма.

О.Л. Габелко считает автора этих строк убежденным приверженцем концепции К.К. Зельина, принимающим ее «без каких-либо значимых оговорок» [Габелко 2018, с. 185]. Это сказано слишком сильно. Концепция Зельина просто представляется нам однозначно предпочтительной по сравнению со схоластической, вульгарно-марксистской концепцией А.Б. Рановича, которая, соответственно, и оказалась однодневкой. Скоро о ней, вероятно, и вовсе забудут, в то время как взгляды гениального (не побоимся этого слова) ученого К.К. Зельина и поныне актуальны и еще долго (возможно, всегда) будут учитываться самым серьезным образом. Только в этом смысле мы дали им высокую оценку, совершенно не означающую безоговорочное принятие нами всех нюансов этих взглядов.

Однако перейдем к наиболее принципиальным моментам расхождений между нами и нашим оппонентом. Для нас эллинистическая цивилизация, если взять ее в сопоставлении с предшествующей ей полисной цивилизацией, охватившей периоды архаики и классики, являет собой в ряде отношений регресс, характеризуется оскудением творческого духа, утратой былых цивилизационных позиций. О.Л. Габелко указывает, что, в сущности, так же считали А.И. Зайцев, Ю.В. Андреев [Габелко 2018, с. 182], и автору этих строк не стыдно быть единомышленником таких корифеев.

Что-то и вправду ущербное есть в эпохе, которую очень долго просто не замечали, которая лишь так поздно, в XIX в., была

«открыта» (Дройзенем) и получила название (неудачное, по нашему глубокому убеждению). О.Л. Габелко пишет об эллинизме: «...он кажется мне миром более ярким, динамичным и живым, нежели холодновато-прекрасная классическая Греция» [Габелко 2018, с. 190]. Не знаем, что есть такого особенно «холодноватого» в Аристофане или Геродоте (уж скорее Менандр и Полибий на их фоне «холодноваты»). Хрестоматийной стала формулировка Винкельмана «благородная простота и спокойное величие», высказанная им относительно древнегреческого искусства. Но парадокс в том, что великий немецкий искусствовед вывел эту формулу, наблюдая в основном эллинистические памятники скульптуры (такие, например, как «Лаокоон»). Шедевры высокой классики тогда еще толком не знали, фидиевым мраморам Парфенона только предстояло быть введенными в научный оборот.

Давайте называть вещи своими именами: уровень оригинальных культурных достижений полисной эпохи и эпохи эллинизма несоизмерим. Это не дело вкуса, а объективная данность. Поставим на одну чашу весов даже не Гомера, а Гесиода, на другую же – Аполлония Родосского, крупнейшего эллинистического эпика; на одну – даже не Архилоха с Пиндаром, а более скромных Феогнида или Алкмана, на другую – Каллимаха, крупнейшего эллинистического лирика; на одну – даже не Платона и Аристотеля, а, скажем, Парменида и Гераклита, на другую – Эпикура вкупе с Зеноном-стоиком; на одну – даже не Фидия, а Праксителя, на другую – авторов того же «Лаокоона»; на одну – даже не Демосфена, а Лисия, на другую – кого-нибудь из эллинистических риториков и даже всех их вместе взятых... И разница в масштабе сразу станет ясна. Если привести сравнение из мира спорта, перед нами две команды, одна из которых даже вторым (если не третьим) составом обыгрывает другую с сухим счетом.

Собственно, эллинистическая цивилизация жила тем, что рефлексировала над культурным наследием более ранних времен: изучала его, подражала ему, спорила с ним, – одним словом, всячески «пережевывала» его. Несравненно меньше стало оригинальности и, скажем прямо, хорошего вкуса. Те творения эллинизма, которые все же можно отнести к шедеврам, являются таковыми только в той мере, в какой они сохраняют в себе что-то от классики (от разных ее направлений: так, «Ника Самофракийская» восходит к традиции Скопаса, а «Афродита Мелосская» – к традиции Праксителя).

И главное – почему вообще нам и поныне интересна античность, почему мы признаем ее своей колыбелью? Не потому, разумеется, что в ней велась Пелопоннесская война, или установ-

ливалась гегемония Филиппа II, или очередной Антиох сменял на троне очередного Селевка... А потому, что были эти самые Гомеры и Платоны. И на их фоне, повторим, культура эллинизма проигрывает, выглядит скудной, – подчеркнем, в качественном отношении. Как раз в количественном плане памятников становится гораздо больше – именно потому, что цивилизация «пошла вширь», вступила с интенсивного пути развития на экстенсивный. Не случайно то обстоятельство, что эллинистическая литература (всех родов и жанров) так плохо сохранилась. Сами греки не слишком высоко ее ставили и, соответственно, не утруждались переписывать.

О.Л. Габелко пишет о цивилизации эллинизма: «На роль “колокольни”, с которой следует вести ее обозрение, куда лучше подходит, к примеру, Александрийский маяк, и с его высоты эллинизм наверняка покажется чем-то гораздо более значимым и содержательным, нежели просто “постклассика”» [Габелко 2018, с. 190]. Воистину, пресловутый маяк (или какой-нибудь другой объект эллинистического времени из «канона семи чудес света», да хоть Колосс Родосский) может служить зримым символом основных черт культуры эллинизма – гигантизма, помпезности, богатства. Закономерно в вышеупомянутый канон не включили афинский Парфенон. Он представляет собой высшее достижение античного зодчества, но он не громаден.

Понятно, что эллинское общество стало намного богаче после завоевания (и ограбления) Востока, и это позволило теперь практиковать подобные пышность и роскошь. Но порождает ли материальное процветание духовные взлеты? Цивилизационный опыт показывает, что это не так, что богатство как таковое – совершенно не обязательно предмет культурной гордости. Похоже, что связь-зависимость тут бывает даже противоположной. Можно ли считать, «...что Римская республика была “лучше” Римской империи?!» – ставит О.Л. Габелко вопрос, который наверняка кажется ему риторическим [Габелко 2018, с. 183]. А вот сами римляне риторическим его отнюдь не считали и давали на него однозначный ответ: «да, лучше». Одним из самых устойчивых топосов в литературе Рима времен Империи был следующий: в наши дни любой бедняк сочтет для себя зазорным жить в таких условиях, в каких жили в глубокую старину Цинциннат или Фабриций – сенаторы, консулы, первые мужи государства. Иными словами, благосостояние социума с тех пор многократно возросло. И что же, римские писатели оценивали этот факт положительно? Напротив, резко отрицательно, считая именно его корнем всяческих пороков. Кстати, эллинистических монархов богатство тоже довольно быстро развратило (см. ниже).

Как уже было вкратце сказано ранее, если для греческой полисной цивилизации характерен интенсивный путь развития, то для эллинистической – экстенсивный. А ведь только первый из них является залогом полномасштабной творческой яркости и оригинальности².

О.Л. Габелко указывает на характерное для эпохи эллинизма «резкое возрастание интереса к реальному и мифологическому прошлому греческих общин, что выражается в появлении и быстром расцвете жанра “местных хроник”, а также в поисках и обосновании легендарного родства между полисами и их основателями...» [Габелко 2018, с. 188–189]. Тонко и точно подмеченная черта, но о чем она свидетельствует? Несомненно, о ностальгии по былым «великим временам», которые потом так измельчали... О прошлом много думают, когда настоящее не радует, а от будущего не ждут ничего хорошего. Ностальгия эта началась в Греции в IV в. до н. э. – как раз в контексте нарастания тенденций предэллинизма.

По-настоящему оригинальным достижением полисной цивилизации является демократия, развившаяся в ряде эллинских государств. Она – один из тех феноменов, благодаря которым Элладу и называют «колыбелью Запада». А что осталось от этой демократии в эллинистический период? «Пустая оболочка», как пишем мы в другом месте [Суриков 2008, с. 304]. Само понятие демократии девальвировалось, теперь оно было всего лишь «практически синонимично политической независимости» [Габелко 2018, с. 187, примеч. 48], с чем, как видим, наш оппонент и сам соглашается, добавляя: «Однако, согласимся, для мира, в котором доминировали могучие монархии, и это совсем не мало!» [Габелко 2018, с. 187, примеч. 48].

Пресловутое доминирование монархий являлось, безусловно, ключевой особенностью политического ландшафта эллинизма. В отличие от полисов, являвших собой структуру в полной мере уникальную, это были банальнейшие царства, каких и до того, и после того хватало на Востоке. Фактически имела место рецепция восточной деспотии греками – результат прошедшего в социальной психологии процесса, который мы обозначаем формулировкой «от гражданина к подданному» и за которым признаем особо важную роль в складывании предпосылок эллинизма.

О.Л. Габелко и тут пытается внести коррективы: «...к эволюции статуса “от гражданина к подданному” грекам самых разных

² Римляне практически с самого начала пошли по экстенсивному пути. Не потому ли они, при всем к ним уважении, и не поднялись на такие высоты духа, как греки?

регионов и различных исторических периодов было не привыкать: им была знакома и тирания (как “старшая”, так и “младшая”), и власть персидских царей, и господство варварских династов» [Габелко 2018, с. 185]. Все это было, но в том-то и дело, что в полисный период подобные ситуации воспринимались как грубейшее отклонение от нормы, как то, чего быть не должно. Тиранов свергали, от чужеземного владычества пытались избавиться, в случае утраты политического суверенитета боролись за его восстановление. А вот во времена эллинизма греки послушно склонились перед новыми реалиями и уже не пытались что-то принципиально изменить, довольствуясь симулякрами, такими, как «дружба» эллинистических владык.

И.А. Ладынин солидарен с О.Л. Габелко в том, что мы преувеличиваем значение социально-психологических факторов для происходивших перемен. Вот его слова, противопоставленные «мнению И.Е. Сурикова о том, что в них (процессах IV в. до н. э. – *И. С.*) принципиальна трансформация самосознания эллинов, их отход от ощущения себя гражданами, осуществляющими суверенную власть в своем государстве. Это изменение, безусловно, знаменательно, однако кризисные явления в экономике и политике если не предопределяли его в точном смысле слова, то во всяком случае шли с ним рука об руку» [Ладынин 2018, с. 195–196].

Нам, конечно же, и в голову не приходило отрицать наличие кризисных элементов в той же экономике, но были ли они причиной или следствием? Понятно, что в стране, где на протяжении многих десятилетий господствовала марксистская идеология с характерным для нее представлением о «базисе» и «надстройке», возведенным в догму, ученые целого ряда поколений на стадии формирования своего мировоззрения, т. е. еще в вузе (если не раньше), впитывали от учителей априорное представление о том, что основа всего – экономические отношения, политическая сфера производна от нее, ну, а «культура» (то есть все, что связано с ментальностями) – это что-то и вовсе вторичное, следовательно, малозначимое; ее и в учебниках ставили на последнее место. Мы глубоко убеждены в превратности этой схемы, в том, что в действительности сознание определяет социальное бытие, а не наоборот. Вначале происходит «революция в умах», а потом уже в результате этого изменяются общественные условия.

Не можем не отреагировать на следующее суждение И.А. Ладынина (просим прощения за достаточно пространную цитату – она необходима): «Мы поспорили бы лишь с определением Суриковым этого процесса как эволюции самосознания эллинов в направлении “от гражданина к подданному”. Эта формулировка Штаерман

описывала процесс, происходивший в римском обществе, т. е. в очень большой, но все же одной гражданской общине, в которой ощущалась прямая связь граждан с формируемыми ими институтами. Эти связи в эпоху принципата и трансформировались в “подданство” – ощущение тоже прямой (по крайней мере, номинально) связи с единоличным правителем, в то время как столь же непосредственной связи граждан эллинистических полисов и монархов (как в Греции, так и на Востоке), как правило, не было» [Ладынин 2018, с. 196].

Совершенно верным представляется наблюдение об отсутствии прямой связи между гражданами полисов и монархами в эллинистическом мире: монархии в нем представляли собой внешние структуры, вдруг искусственно надстроенные над структурами традиционными, полисными. Иное дело – Рим: в нем действительно полисная республика органично, естественно переросла в монархию, и это перерастание свершилось так постепенно, что даже, в общем, не было замечено: Рим и в эпоху принципата воспринимался как полис. Приведем знаменательную формулировку из такого памятника этого времени, как «Откровение Иоанна Богослова» (под видом Вавилона аллегорически описывается Рим): ἡ πόλις ἡ μεγάλη ἡ ἔχουσα βασιλείαν ἐπὶ τῶν βασιλέων τῆς γῆς (Откр. 17:18). «Великий полис, царствующий над царями земными», – таким виделся императорский Рим с греческого Востока. И это господство полиса, полисной идеи над монархиями не могло не радовать эллинов.

Римляне действительно ощущали прямую связь с императором, но это-то как раз и являлось препятствием для складывания стопроцентной психологии подданного. В Риме государь был не господином, а отцом, *pater patriae*. И только с того момента, когда он становится господином (*dominus*), можно говорить о полностью оформившемся подданстве. А это происходит только в эпоху домината³.

Говоря о пресловутом греко-восточном синтезе, который часто считают главной, принципиальной чертой обществ эллинизма (а мы в этом усомнились, поскольку не видим такого синтеза в Греции и Македонии), И.А. Ладынин делает интерес-

³ Характерно, что античные греки не называли римского императора царем (*βασιλεύς*). Его титул передавался ими через *αὐτοκράτωρ*, а автократор – это, в общем-то, нормальная (хотя и экстраординарная) полисная магистратура. Император стал именоваться *ὁ βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων* только в Византии, история которой представляла собой продлившуюся на тысячелетие историю домината.

ное наблюдение: «На наш взгляд, явлением синтеза, значимым для всех частей эллинистической ойкумены, независимо от того, присутствовало ли в них “физически” восточное начало, была сама эллинистическая монархия, в оформлении которой... восточная традиция сыграла исключительную роль» [Ладынин 2018, с. 197]. Мы бы даже заметили – настолько исключительную, что здесь более уместна не формулировка «синтез», а иная, выше уже приводившаяся нами формулировка – «рецепция восточной деспотии». Причем деспотии подчас в ее худшем воплощении: многие цари позднего эллинизма производят впечатление каких-то дегенератов, погрязших в чудовищных и бессмысленных жестокостях [Gotter 2013].

Подчеркнем, что речь здесь именно о *поздних* эллинистических монархах, и это характерно. Поражает, как мир эллинизма достаточно быстро (по историческим меркам) «измельчал», как произошла деградация от грандиозных, поражавших воображение фигур Александра и диадохов к таким вот ничтожествам, каких явили собой не столь уж и дальние потомки Селевка Никатора, Птолемея Сотера и др. Возможно, тут мы имеем дело с закономерным процессом, который в своем разворачивании, миновав пик, далее идет уже по нисходящей.

Если трактовать эллинистическую цивилизацию как часть античной греческой, то это будет ее «вечер», ее старость. Возможно, впрочем, и другое понимание, в рамках которого эллинистическая цивилизация является именно отдельной цивилизацией «в своем праве», третьей цивилизацией, созданной греками (после микенской и полисной). Если смотреть на вещи в таком ракурсе, многое в эллинизме будет видеться в ином свете. Но получится, что это – цивилизация с очень кратким расцветом (первая половина III в. до н. э.) и как-то неожиданно скоро наступившими (и надолго растянувшимися) мрачными сумерками.

Нам очень импонирует следующая формулировка И.А. Ладынина: «По-видимому, справедливо связывать закономерности развития эллинского мира с эволюцией полиса. В ее рамках на определенном этапе были закономерны кризис полиса, т. е. утрата им способности нести нагрузку независимого государства, а затем его преодоление, т. е. конституирование надполисных структур, которые приняли на себя эту нагрузку. Термин “эллинизм” фактически относится к тому варианту конституирования этих структур, который реально осуществился вследствие завоеваний и деятельности Александра Великого, при том, что сами эти события жестко детерминированы не были. Наступление эллинизма закономерно в том смысле, что в эволюции древне-

греческого общества был закономерен этап преодоления кризиса полиса, конкретно-исторической формой которого стала обозначаемая данным термином совокупность явлений; при этом предпочтительная реализация среди возможного спектра таких форм именно этой не была закономерна и предопределена» [Ладынин 2018, с. 200].

Как нам представляется, это – исключительно удачное, диалектическое решение знаменитой дилеммы в вопросе о том, что представлял собой эллинизм – «закономерный этап» (А.Б. Ранович) или «конкретно-историческое явление» (К.К. Зельин). Поскольку кризис полиса был объективной данностью и он однозначно воспринимался современниками событий как нечто весьма негативное, вполне закономерны были чаяния эллинов о его преодолении, а вот реализованы они потенциально могли быть разными путями, не только тем, который реально имел место⁴. Это именно то, что мы имели в виду, когда писали: «Не Филипп II – так кто-нибудь другой рано или поздно явился бы, чтобы удовлетворить, воплотить в жизнь эти чаяния» [Суриков 2015, с. 64].

При этом совершенно справедливо И.А. Ладынин указывает на то, что корни эллинизма все-таки следует искать в конечном счете в векторе эволюции полиса. Здесь мы с ним глубоко солидарны и не считаем, что прав О.Л. Габелко, когда он утверждает: «Мне кажется методологически не вполне верным стремление... объяснить наступление эллинизма через изменения, происходящие исключительно в самом полисе» [Габелко 2018, с. 182]. Он, конечно, имеет в виду, что эллинизм имел и восточные предпосылки. А вот нам по-прежнему неясно, в чем же такие предпосылки могли заключаться и какие принципиально новые, ранее неизвестные процессы, в перспективе «выводившие» на эллинизм, имели место в IV в. до н. э. на территории Ахеменидской державы. Для греческого мира наличие подобных процессов бесспорно, а вот применительно к Персии ничего безусловного привести не можем.

И действительно, что мы наблюдаем в великой империи Востока в этот период? Ослабление (в отдельные периоды) верховной власти, сепаратизм на периферии (ярко воплотившийся в знамени-

---

⁴ Может быть, не окажется совсем уж неуместной следующая историческая параллель: то, что Россия в конце XVII в. подошла к необходимости модернизации, является, видимо, объективной данностью, а вот тот конкретный путь модернизации, который избрал Петр I – путь предельно жесткий, с ломкой всех самобытных традиций (и породивший даже цивилизационный раскол в обществе), – не был, конечно, единственно возможным.

том «Великом восстании сатрапов»⁵)? Но такое бывало и прежде: после кончины практически каждого персидского царя его преемник вынужден был первые несколько лет правления потратить на усмирение окраинных мятежей, а потом его власть вновь укреплялась. Привлечение высокоstatusных греков к персидскому двору (как позже Александр привлекал персидских вельмож к своему)? Это тоже практиковалось и раньше – достаточно припомнить Гистия, Демарата или Фемистокла. Достаточно сильная эллинизация некоторых регионов Малой Азии (таких, как Кария, Ликия)? Она ведет начало не с IV в. до н. э., а с более ранних времен: уже Геродот, родившийся в 480 г. до н. э., был, судя по именам его отца и дяди, эллинизованным карийцем. К тому же эта эллинизация в дальнейшем осталась, в сущности, без серьезных последствий, как показал сам же О.Л. Габелко в другом месте [Габелко 2009]. Одним словом, государство Ахеменидов двигалось своим обычным путем, и ни на какой эллинизм этот путь не выводил, если бы не вмешательство греков во главе с Александром.

Не можем не остановиться еще вот на каком остроумном замечании И.А. Ладынина: «...термин “эллинизм” не сложился естественным образом... а был “авторским”, и его создатель вложил в него совершенно определенный смысл... При реинтерпретации такого термина можно изменять или расширять его сущностное наполнение; но полностью менять характер его употребления (в данном случае, перестать обозначать им исторический этап), и все же продолжать использовать, а не заменять чем-то новым не столь уж корректно» [Ладынин 2018, с. 194].

О чем, собственно, здесь идет речь? О том, что в отличие от названий других периодов древнегреческой истории название данного было искусственно придумано одним человеком (и придумано, повторим, во многих отношениях неудачно), вложившим в него «совершенно определенный смысл». Принимая это название, мы, если хотим быть последовательными, фактически вынуждены принимать и то понимание эллинизма, которое было у Дройзена. А коль скоро нам нужно выйти за рамки этого понимания на какой-то новый уровень, желательно бы заменить и название. Мы предложили термин «постклассика» [Суриков 2015, с. 356]; но он, конечно, никогда не будет принят нашими адептами эллинистической цивилизации.

---

⁵ Впрочем, справедливо отмечалось [Ruzicka 2006, pp. 234–235], что сатрапы в действительности вовсе не намеревались отделиться и стать независимыми государями. Они фрондировали с целью обеспечить себе более выгодные позиции в переговорах с царем.

Литература

- Габелко 2009 – *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / Под ред. О.Л. Габелко. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2009. С. 173–183.
- Габелко 2018 – *Габелко О.Л.* Полемиические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма // ПЕНТΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ: Исследования по античной истории и культуре: Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Синицына. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 180–190.
- Ладынин 2018 – *Ладынин И.А.* Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадильность и закономерность или историческая конкретность и случайность? // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 185–206.
- Суриков 2008 – *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб.: СПбГУ, 2008. 360 с.
- Суриков 2011 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: Година междоусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 328 с.
- Суриков 2012 – *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина: Категории древнегреческой культуры. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 304 с.
- Суриков 2014 – *Суриков И.Е.* Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы: 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Под ред. А.В. Подосинова, О.Л. Габелко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. С. 76–122.
- Суриков 2015 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 392 с.
- Davies 2000 – *Davies J.K.* A wholly non-Aristotelian Universe. The Molossians as ethnos, state, and monarchy // Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 234–258.
- Gotter 2013 – *Gotter U.* The Castrated King, or The everyday monstrosity of late Hellenistic Kingship // The Splendors and miseries of ruling alone. Encounters with monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean / Ed. by N. Luraghi. Stuttgart: Steiner, 2013. P. 207–230.
- Ruzicka 2006 – *Ruzicka S.* The politics of Persian autocracy, 424–334 B.C. // Ancient tyranny / Ed. by S. Lewis. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2006. P. 224–237.

References

- Davies, J.K. (2000), "A wholly non-Aristotelian Universe. The Molossians as ethnoses, state, and monarchy", in Brock, R. and Hodkinson, S. (eds.), *Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 234–258.
- Gabelko, O.L. (2009), "Once again on the 'pre-Hellenism' issue", in Gabelko, O.L. (ed.), *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire* [Politics, ideology, and historiography in the Roman and Hellenistic world], Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, Russia, pp. 173–183.
- Gabelko, O.L. (2018), "Polemical notes on historical fates of the Greek polis in the period of Hellenism", in Gabelko, O.L., Makhlayuk, A.V. and Sinitsyn, A.A. (eds.), *ПЕНТХОНТАЕТИА: Исследования по античной истории и культуре: Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова* [ПЕНТХОНТАЕТИА. Studies of Ancient history and culture. A collection of articles, devoted to Igor Evgen'evich Surikov's anniversary], Izdatel'stvo RKhGA, St. Petersburg, Russia, pp. 180–190.
- Gotter, U. (2013), "The Castrated King, or The everyday monstrosity of Late Hellenistic Kingship", in Luraghi, N. (ed.), *The splendors and miseries of ruling alone. Encounters with monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean*, Steiner, Stuttgart, Germany, pp. 207–230.
- Ladynin, I.A. (2018), "The notion of Hellenism in Soviet and post-Soviet research. Stadiality and regularity or historical concreteness and random event?", *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 185–206.
- Ruzicka, S. (2006), "The politics of Persian autocracy, 424–334 B.C.", in Lewis, S. (ed.), *Ancient tyranny*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK, pp. 224–237.
- Surikov, I.E. (2008), *Solntse Ellady: Istoriya afinskoy demokratii* [The sun of Hellas. A history of the Athenian democracy], SPbGU, Saint-Petersburg, Russia.
- Surikov, I.E. (2011), *Antichnaya Gretsziya: politiki v kontekste epokhi: Godina mezhdousobits* [Ancient Greece. Politicians in the context of the epoch. The time of internal strife], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2012), *Polis, logos, kosmos: mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoy kul'tury* [Polis, logos, cosmos. The world through the Hellene's eyes. Categories of Ancient Greek culture], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2014), "Some issues of Bosphoran state formation in 5th – 4th centuries B.C. ("a view from Hellas")", in Podosinov, A.V. and Gabelko, O.L. (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The earliest states of Eastern Europe. 2012. Issues of Hellenism and the emergence of the Bosphoran Kingdom], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia, pp. 76–122.
- Surikov, I.E. (2015), *Antichnaya Gretsziya: politiki v kontekste epokhi: Na poroge novogo mira* [Ancient Greece. Politicians in the context of the epoch. On the threshold of a new world], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskiy Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru